

Врага сметая сталинским ударом,
Мы шли и проходили мертвый сон.
Земля пылала мировым пожаром,
Была Антанта с четырех сторон.
Мы шли на Запад — шли по Украине.
Вперед, вперед!.. Срывалась песня с губ.
Снарядом башни танковые клинило,
И в Троцкого вонзался ледоруб.
А может быть, стальная эскадрилья
Летит на юг и после — на восток?
И звездами покачивают крылья,
И вождь по-справедливому жесток.
Катюшами зовутся не Катюши,
Когда взойдут на берег на крутой
И залпами спасают наши души;
Святее нету веры — веры той,
Чьим красным знаменем бойцы готовы
Юдоль земную осчастливить вмиг —
Была б команда... Роты стоголовы —
Шагают мальчишки из честных книг!
Таким победа не дается даром,
Но оттого они лишь злей и злей...
Враги разбиты сталинским ударом,
Прими, штандарты вражьи, мавзолей!

АРМАГЕДДОН

Сошлись при Армагеддоне
и бьются бесстрашно мирь:
Отходим, товарищ, с тобою, отходим пока...
Выносишь из окружения знамя полка,
Бинтуя полотнищем грудь...
Ты знаменем стал — до поры!
Вторая Великая... Где же наше Отечество, где?
Отцы поднимаются — в марше идут гробовом,
Славянка помашет и слез не сотрет рукавом...
Назад не смотри — мы останемся на убитой звезде.
А что же теперь? Ничего! Геенна разверзлась у ног,
И ось надломилась и вышла наружу крестом.
Так скажем о Родине — что говорить о пустом! —
Товарищ мой верный, и длань свою
простирает к нам Бог.
О, Господи, силы нам дай остаться, кем были вчера,
Когда не предали ни братских могил и ни строк,
И если вдруг Западом наш обернется Восток,
То двинется вслед за пророком к Западу эта гора.
Наступит геройства черед, и знамя свое развернем...
Эй, братья-славяне, вперед — полковая братва!
И тотчас на фрица пойдут в штыковую слова:
И взвеется сумеречь, и огонь поглотится огнем.

* * *

Он схлестнулся крест-накрест с тобою
И земные отринул пути.
И, распятые общей судьбою,
Разве можете с неба сойти?
Было то, что еще не бывало,
А что было — рассыпалось в прах...
Ты руками его обвивала
И в подлунном и в прочих мирах.
Откликалась на редкое имя,
Постигала размолвок туман;
Неземная улыбка таима —
Холодит и волнует обман.
Он живет у слепого экрана,
Затянул виртуальный портал:
Вместо сердца — открытая рана:
Сам бы рану не забинтовал...
Ты придешь, ты омоешь слезами —
Тайно вылечишь рану его;
И с высот золотое сказанье
Явят звезды, не зная того,

Что отчаялся сумрак осенний
И качается лодка вдали,
И дремотные запахи сена
Долетают с далекой Земли.

ОБЕРЕГ

Милая, гладишь меня по щеке —
Я, как всегда, небрит навсегда.
После заблудишься ты вдалеке,
И обомрут мои поезда.

Только сейчас никого нет родней:
Боль отдавай — до стога стерплю:
Так ни о ком никогда не радел,
Так не любил и не люблю.

Если презрешь, то сам виноват —
Мало делился жизнью своей;
Был непонятен, сочла — нагловат,
Верил тебе, ты веру — развей,

Чтобы не думал: такая одна!
Сдуру такую не возносил..
Вон как бушует чужая весна,
А на свою не хватает сил.

Время останется после меня,
Лишь бы тебя от любви сберечь —
Той, что не знает ни ночи, ни дня,
Той, что мою замыкает речь.

* * *

Голос твой — от шепота до вскрика,
Руки, за голову заведенные..
За окном трубит золотая Ника,
И копытом бьет проспект Буденного.

Убоюсь разлада и потери —
Прокляну уход — растаешь в зеркале,
Но чуть свет ключом откроешь двери
И склоняешь голову — над сверкой ли?..

Нет, не сверка!.. Это наши дали,
Это мы в одном формате сверстаны:
Совпадаем — как не совпадали,
Разведенные годами-верстами.

ТАНА

Сверкнули кареюкие две тайны.
Какой там Север? Ты из южной Таны.
Мост подвесной качается над Летой,
И я перехожу в гортанный город,
Где благоденствует враспяжку лето
И помыкает мной любовный голод.

Свое толкует в ступке пестик медный,
Возносится над туркой дух победный
Заморского привоза горьких зерен;
Я в чашке след кофейный не оставлю —
Зачем гадать? Я без того упорен
И доблестно взовью казачью саблю,

Когда на откровенный торг нагую
Выводит, цокая, базар... Смогу я
Отбить у нехристей ту полонянку
И ускакать за стены крепостные...
...Плевать на сигареты и гулянку:
Есть явь — азовские увижу сны я!

Там обожаешь ты на шкурах волчьих
Мерцать, сиаствовать со мной воочию;
Твое дыхание, как милость Божью,
Почувствую на берегу разлуки.
Пусть правда ради правды станет ложью,
Пускай сплетутся, не касаясь, руки.

Исплachtetся река у низких окон.
Замечу напоследок жгучий локон
И тем утешусь, вроде запятую
Поставила не ты ли между нами —
Свяжи, чтоб разделить... И — не впустую,
А быть с тобой, как Тана, именами!

ВОРКУТА

Валерии Салтановой

Зря ль окликнул тебя, Воркута —
Воркованье твое у плеча...
Так бы век, а не ночь коротать,
Да почти догорела свеча.
Ненасытные губы твои
И задуют и душу сожгут:
Скажешь: «Вены свои отвори!»
Отворю, но вернее бы жгут
Из веревки вкруг шеи — и вниз!..

Это чтобы любовь доказать.
А могу и шагнуть на карниз,
И схватиться за лунную статью...
Но усмешка твоя промелькнет,
Обрывая галимую нить,
Только горлинка, сбитая влет,
Воркованье желает продлить.
И на лагерь плевать, на тюрьму —
Поцелуем ее прикормлю:
Разве скажет она хоть кому,
Сколь дотоле терпел и терплю
Воркутинскую снежную блажь,
Залихватские скаты дорог...
Пуля-дура, теперь не промажь!
Гильза стукнется пусть о сапог.

СТЕНА

Дней студеная череда
И ночей раскаленные сны.
Я живу — то ли «нет», то ли «да»:
Плач стоит у моей стены.

Эту стену поставила ты
И колючкой поверх оплела.
Богатынский зрак темноты
Проследит не меня ль до угла?

Совершаю побег — не побег,
От себя убежать не смогу,
И петляет по следу твой снег,
И раскинусь на этом снегу.

Руки в стороны — али не крест?
Заодно помолись, коль нашла...
Ты невестой была из невест,
Да расколоты колокола!

Под малиновъй, медный трезвон
Приподнимешь мне голову ты
И приветом гулаговских зон
Примешь вздох для своей немоты.

Улица Горького

Ветер шел вразвалку вдоль тюряги,
Лаяли собаки за стеной.
Горе горькое — поэты ли, бродяги? —
Шли по Горького — не по Сенной.

Я хотел свободным стать... И стал им:
Клин вам в глотку, суки-господа!
Сталина застали — мы из стали,
Нам ли страшен приговор суда?!

Наш вожак не А. М. Горький разве?
Горький навещал сии края.
Улиц Горького в стране — как грязи,
А в Ростове — улица моя.

Век свободы не видать в России:
Срок за сроком — тянутся срока...
И кого о жизни ни спроси я,
Нету жизни — горькая тоска.

Так залить бы горькой, что ли, горе!..
Не поможет: пробовал не раз.
Плач горючий тонет в общем хоре,
Но идем, не опуская глаз.

Мы еще не отзвучали гордо,
И поэт-бродяга — человек.
Мы идем своим пока что ходом —
Час идем, а вроде — целый век.

Нам вослед летят камней проклятья,
Ополчаются враги, друзья...
Только ветра все сильнее объятья —
Вот кого нам предавать нельзя!

Ветер, он — последняя свобода,
Забывать о воле не дает.
Нет свободнее того народа,
Что по горькой улице идет.

Никола

Восседает возле мусорного бака
Бомж Никола на разбитом стульчаке
И читает Блока... А у ног собака
Слушает стихи, витая вдалеке.
Хорошо как!.. Солнце — пиво разливное:
Всем его хватает — зенки заливай..
Только белый день решеткой разлинован,
Да поодаль катит, дергаясь, трамвай.
Жизнь вольготная — такая-растакая!
И еще не вся... А всю — узнает кто?..
И серебряного Блока изрекая,
Бомж Никола распахнул свое пальто.

Никаких медалей нету у Николы —
Даже пропилил материнский крест давно.
До чего же голы русские соколы,
Если есть в ларьках молдавское вино!
Собирает банки из-под пива, колы,
Христарадничает — и жива душа...
Люди добрые, не те ли мы Николы:
Душу пропилил, за душою — ни гроша?
Возвышается над всеми храм Николы,
И внутри угодник золотом горит.
А расколы... Снова русские расколы!
И об этом Блок с Николой говорит.
Горько смотрит Блок — такая, братцы, штука —
На окрестную муру и похабень.
Блоковские строки понимает сука,
Пусть и голодает псина каждый день.

Горлица

Я сойду с электрички — не с ума ли сойду...
Надрывается горлица в дачном саду.
Что неволя, что воля — теперь все одно:
Умирает рябина и стучится в окно,
Да никто не выходит на разохшийся стон —
Укатила не ты ли вчера на Ростов,
Загорелая дачница, горлиц сестра?..
Мне, ревнивцу Отелло, отпылать без костра.
Кличет горлица, кличет: «Милый мой, милый мой!»
Я поверил словам и — сюда, не домой...
Водосточный вопрос зацепился за край
Небосвода... Рябина, с горя не умирай!
А калитка закрыта на щеколду разлук:
Пустота презирает мой стук-перестук...
Воля пуще неволи, а грешнице — рай:
Ах, Рябина Цветаева, ты не умирай!
На перрон возвращусь, никому не родной:
«Астраханец» стенает тюремной стеной,
Срок на стыках сочтет затяжной товарняк...
Тут со мною стакнется некто: «Дело — верняк...»
Отвечаю: «Братишка, я теперь не в себе...»
И зайдется от горя не гром ли в стрельбе?
Камыши оторочены черной каймой.
Слышу горлицу, слышу: «Милый мой, милый мой!»